

Василий Лягоскин

Ох, уж эти женщины!

Пять попыток познать женщину изнутри

Василий Лягошкин

**Ох, уж эти женщины!
Пять попыток познать
женщину изнутри**

«Издательские решения»

Лягошкин В. И.

Ох, уж эти женщины! Пять попыток познать женщину
изнутри / В. И. Лягошкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836176-0

Учитель средней школы Виктор Николаевич Кошкин давно мечтал сделать великое историческое открытие. Мог ли он представить себе, что сам окажется в центре эпохальных событий прошлого? Кто знает, согласился бы Виктор Николаевич на этот смелый эксперимент, если бы знал, в каком виде он попадет в осажденную Трою, во дворец халифа из «Тысячи и одной ночи», или в опочивальню несчастной Дездемоны? А все произошло благодаря капризу любимой жены Николаича Валентины, подкрепленному «ласковой» затрещиной...

ISBN 978-5-44-836176-0

© Лягошкин В. И.
© Издательские решения

Содержание

1. Троянский конь	6
2. Ты откуда, Одиссей?..	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ох, уж эти женщины!
Пять попыток познать женщину изнутри
Василий Лягошкин

© Василий Лягошкин, 2017

ISBN 978-5-4483-6176-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Троянский конь

*Так восклицал он, молясь, и вняла ему дочь громовержца;
Члены героя сделала легкими, ноги и руки,
И, приближаясь к нему, провещала крылатые речи:
«Ныне дерзай, Диомед, и без страха с троянами ратуй!
В перси тебе я послала отеческий дух сей бесстрашный...»*

Бессмертные строки «Илиады» Гомера сами собой всплыли в голове Виктора Николаевича Кошкина. Увы, никакой персональной «дочери громовержца» у него не было. Никто не вложил ему бесстрашного духа ни в «перси», ни в иные члены. А уж о том, чтобы «ратовать» с супругой...

Бледный, чуть дрожащий от ужаса, а больше от унижения, Виктор Кошкин не смел оторвать взгляд от линолеумного пола коридора. Его щуплая фигурка была готова провалиться сквозь дверь на лестничную площадку – только бы не ощутить на себе силу внушительных кулаков собственной жены – дражайшей Валентины Степановны.

– Ну, Валь, ты чего? – канючил он, не смея поднять голос до привычного, учительского, – воскресенье ведь... ну, посижу пару часиков у компьютера...

– Нет! – гроыхнуло над ухом, и тяжелый кулак все-таки опустил на хрупкое мужское плечо, заставив его подозрительно хрустнуть, – что ты за мужик такой?! Другие, вон – пашут, не покладая рук, не зная ни суббот, ни воскресений; хоть какую-то копейку в дом несут... а ты?! А твоя история?!!

Виктор воскликнул – про себя, конечно; кто бы дал ему высказать возмущение вслух: «Историю не трожь! Это святое!!!»? Дело было не только в том, что Виктор Николаевич работал учителем истории в самой обычной школе славного курортного городка Геленджик, но и жил ею; с ней в голове вставал по утрам, и с нею же ложился вечером. Он чувствовал, что в силах сделать великое историческое открытие, прославиться в веках. А вот его жена, Валентина, женщина крепкого телосложения, и еще более стального характера, чувствовала... нет – она знала, что муж любит этот предмет гораздо больше нее самой, и оттого в силу особенностей женского характера ненавидела историю всей душой. Но изгнать ее из собственной жизни, а тем более, из души Виктора Николаевича, не могла. Потому что она – история – была единственной, кто приносил деньги в двухкомнатную квартиру Кошкиных. В виде зарплаты школьного учителя, конечно.

– Лучше бы ты в бабу какую втюрился, – в сердцах выпалила она, опуская могучую длань на второе плечо мужа, – я бы ее за космы оттащила, да успокоилась бы!

За неимением под рукой женской прически, он вцепился в мужскую, редкую до неприличия. Не в первый раз, кстати. Виктор мужественно терпел. Обычно после такой вспышки гнева Валентина отходила – в прямом и переносном смысле. Она тяжелыми шагами удалялась в спальню, показывая выпрямленной и напряженной спиной все презрение, какое только женщина могла выразить никчемному, на ее взгляд, мужичонке. Потом она с грохотом захлопывала за собой дверь, и это служило мужу сигналом – он шустро бежал в гостиную, где его всегда ждал компьютер.

Но сегодня погрузиться в виртуальный мир, где Кошкин уже не первый год пытался отыскать несообразности в трудах великих ученых мужей прошлого, не получилось. В женской руке вдруг оказался рюкзачок. Этот весьма полезный для многих, но не для семьи Кошкиных, предмет купил пару лет назад сам Виктор на заныканную от супруги внеплановую премию. Ох, и досталось же тогда ему! Слава богу, что туристский топорик, который сейчас

лежал в рюкзаке, он купил позже; как и простенький компас, фляжку, и... все. На большее денег пока не хватало. Зачем он делал эти покупки, зная наперед, что получит очередную взбучку от супруги, а главное – что в его жизни никогда не наступит момент, когда он перейдет от виртуальных изысканий к реальным путешествиям? Кошкин и сам не смог ответить на этот вопрос – когда его задала Валентина.

А момент, между тем, наступил – прямо сейчас. Валентина Степановна, злорадно улыбаясь, ткнула новеньким, ни разу не использованным рюкзаком в грудь Кошкина, добавив его многострадальному телу еще один синяк.

– На, держи... историк, – почти пропела она обманчиво сладким голосом, – иди и не возвращайся, пока не заполнишь его...

Николаич не посмел возразить; в такие мгновенья вставать на пути намерений супруги было опасно для жизни. Он лишь вздохнул, и опять невольно вспомнил бессмертное творение эллинского слепца, которое знал наизусть:

*Лютую, коей порода была от богов, не от смертных;
Лев головою, задом дракон и коза серединой,
Страшно дыхла она пожирающим пламенем бурным
Грозную он поразил...*

Нет! Это не он; это Валентина поразила его единственным ударом могучей руки.

– Чем?! – вскричал Виктор уже на лестничной площадке, пролетев первый пролет благодаря могучему толчку под зад, которым благоверная наградила его посредством железной двери, – чем я наполню рюкзак, без копейки денег в кармане?

Карманов, кстати, тоже не было. Ни на футболке, ни на вытянутых в коленках трениках; когда-то в прошлом синего цвета. Видели бы Кошкина сейчас коллеги и ученики, которые (он надеялся) уважали его за недюжинную память, энциклопедические знания, и талант эти знания донести до умов детей!..

– Здравствуйте, Виктор Николаевич, – пропищал кто-то за спиной.

– Здорово, Николаич! – пробасил следом Николай, сосед с четвертого, верхнего этажа, – в поход собрался?

Мелкий, его сын Сашка, сейчас остановился на три ступени выше Кошкина, и потому мог смотреть учителю истории прямо в глаза. В его серых глазах Виктор Николаевич прочел то, что хотел – достаточную долю уважения и какое-то нетерпение; словно ребенок ожидал услышать от дяди Вити очередную интересную историю. Таких историй у Кошкина было великое множество, и пацан это знал. Но сейчас учитель не успел открыть рта, застигнутый врасплох неожиданным предложением:

– А поехали с нами, Николаич. По дороге Сашке какую-нибудь хрень и расскажешь.

Кошкин на «хрень» не обиделся; он знал, когда нужно и можно обижаться. На громогласного здоровяка Николая обижаться было невозможно. Он что думал, то и говорил; как хотел, так и жил. Имея широченные плечи, пудовые кулаки и налаженный бизнес в сфере продажи подержанных иномарок, он мог себе позволить это. В отличие от Кошкина. Виктор Николаевич открыл было рот, чтобы вежливо отказаться, и, неожиданно – прежде всего, для самого себя – коротко выдохнул:

– Поехали!

*...смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.*

Какой-то ураган, именуемый безудержной энергией соседа (он же Архептолем-возница), занес его в престижный внедорожник, где уже ждала худенькая и стройная Людмила – соседка; мать Санька и, соответственно, жена Николая. Виктор не стал сравнивать ее с собственной половинкой. Несмотря ни на что, Валентину он любил, и был ей верен.

– До гроба, – шептал он ей в самые интимные моменты общего сосуществования.

Хотя, надо признать, попыток покушения на его верность пока никто не предпринимал – с его внешностью, застенчивостью, и совсем не престижной зарплатой. Со спины Кошкина можно было принять за подростка лет тринадцати-четырнадцати; в лицо ему давали (даже когда он этого не просил) на десяток лет больше сорока прожитых им. В общем – живи, и радуйся.

И Виктор Николаевич действительно возрадовался, прижимая к животу тощий рюкзачок, и принюхиваясь к волшебному запаху дорогой кожи автомобиля и неземной косметики Людмилы. А потом спохватился:

– А куда мы едем, Николай Петрович?

– Да вот, – громыхнул с водительского кресла сосед, – давно обещал Сашке дольмены показать.

– И мне интересно, – добавила Люда, – расскажете нам о них, Виктор Николаевич?

Кошкина не нужно было упрасивать. Говорить о загадках истории он мог часами (а чем, если не загадкой, были древние сооружения) – даже не в качестве платы за подаренную возможность провести интересно выходной день, а в силу уже указанной выше его страсти.

– Дольмены, – протянул он задумчиво, – таинственные мегалиты, которые неизвестно кто, неизвестно как, а главное – неизвестно зачем соорудил...

– Что тут таинственного? – хохотнул Николай, поворачиваясь к заднему сидению, где вольготно расположились Кошкин и его младший сосед, – четыре каменные плиты, и пятая сверху – вместо крыши. Да, еще в одной отверстие продолблено; дырка. Я такую перфоратором за полчаса продолбил бы.

– Полчаса, – позволил хмыкнуть себе Виктор, – а вручную, без электроинструмента? Кстати, тут появляется еще одна загадка – зачем надо было долбить дырки, в которую нормальный человек пролезть не сможет?

– Эт точно, – подтвердил Николай, нажимая на клаксон, явно приветствуя какого-то знакомого, автомобиль которого легко обогнал, – у меня в эту дырку с трудом голова поместилась. А вот Сашка, пожалуй, пролез бы. Да и ты бы, Николаич (добавил он, посмеиваясь), смог, если бы поднапрягся.

И опять Кошкин не обиделся. Он радовался жизни, хорошему дню, еще более прекрасной компании, которая везла его в замечательном автомобиле к эпохальным открытиям. Это не было предчувствием; просто Виктор Николаевич всю сознательную жизнь ждал их; почему бы им не случиться именно сегодня?

Николай не стал останавливаться у первого дольмена, включенного в обычный туристический маршрут, пролетел и поворот ко второму. Потому что народу тут, несмотря на сентябрь, было полно. К третьему, самому целому из череды древних сооружений, нужно было подниматься по крутому склону. Поэтому, наверное, народная тропа к нему сильно заросла. Точнее, никакой тропы тут не было. Сам Кошкин, несмотря на высокое звание историка, этот мегалит никогда не нашел бы. Но впереди пер Николай – как бульдозер, взявший на буксир сразу три «прицепа»; он излазил тут в отрочестве все окрестности. Сосед, наконец, остановился и широким жестом пригласил всех насладиться древним чудом.

– Никаких чудес! – решительно возразила Людмила, – сначала обедать.

Николай, который в качестве довеска к «прицепам» тащил еще и корзину внушительных размеров, повиновался беспрекословно – совсем так же, как исполнял приказы Валентины сам Кошкин. А может, и быстрее – учитывая энергию, которая в его могучем теле была через край. Виктор Николаевич застенчиво застыл рядом с дольменом, который тут действительно на удивление хорошо сохранился («Муха не писала», – заранее охарактеризовал его Николай), а соседская семья, включая младшего, Сашку, стремительно накрывала «поляну». Так выразился тот же Николай.

Кошкин мучительно подбирал слова, которыми он будет отказываться от приглашения к пикнику; даже хотел шмыгнуть в заросли каких-то кустарников, в которых скрывался мегалит, но не успел свершить ни первого, ни второго. Все та же могучая сила подхватила его, и Виктор Николаевич осознал собственное присутствие в мире уже сидящим на какой-то подстилке, надежно защищавшей его ранний простатит от холодной земли; с горбушкой безумно вкусного хлеба в одной руке и стаканом в другой.

*Но помедли, мой Гектор, вина я вынесу чашу
Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековым;
После и сам ты, когда пожелаешь испить, укрепишься;
Мужу, трудом истомленному, силы вино обновляет
Ты же, мой сын, истомился, за граждан своих подвизаясь...*

Троянский герой, как помнил Кошкин, от чаши хмельного напитка отказался.

– Интересно, – успел подумать историк, – смог бы он противостоять натиску Николая?

Очередной росток протеста Виктора Николаевича – мол, я не пью – был безжалостно растоптан. Обжигающая жидкость янтарного цвета скользнула по пищеводу, совсем не заставив Кошкина поперхнуться, как это обычно бывало. Впрочем, это «бывало» бывало очень редко; в последний раз примерно с полгода назад – на день рождения Валентины. Но тот дурно пахнувший и отвратительный на вкус напиток не шел ни в какое сравнение с коньяком, который Николай еще раз щедро плеснул в его стакан. А Кошкин, удивляясь собственной храбрости и безрассудству, только кивал, глядя, как пластиковый стаканчик теперь доверху заполняется из литровой бутылки с такой ласкающей глаза этикеткой «Хеннесси». В стаканчик Людмилы алкоголь плеснулся лишь на донышко, и Николай на вскинувшиеся к нему глаза соседа с застывшим вопросом в них лишь громогласно рассмеялся. Он нагнулся над богатым «столом», роль которого исполняла древняя земля, когда-то давно истоптанная ногами неведомых строителей мегалитов, а сейчас покрытая скатертью и дотянувшись до осинной талии жены.

– Нам нельзя, – могуче захохотал он, поглаживая женский животик, и все, что тот таил внутри себя.

Виктор Николаевич, несмотря на то, что в голове уже прилично шумело, догадался, что соседи ждут прибавления в семействе, и потому не мог не выпить – до дна, как предложил будущий отец – за счастье в семье Николая. Теперь в его руке был приличный кусок копченого мяса, чей безумно восхитительный вкус с трудом помещался во рту Кошкина. А там еще теснились и слова. Историк, словно в качестве платы за угощение, продолжил свой рассказ:

– «Дол» – стол, «мен» – камень – так переводится название мегалитов с кельтского, – вещал он чуть заплетающимся языком, – у нас же, на Кавказе, названий этим сооружениям – куры не клюют. Причем часто – взаимоисключающих. Так, адыги называют дольмены «испыун» – домом карлика. Мегрелы, наоборот – «мдишкузи» – дом великанов...

Сашка, которому, естественно, коньяка не налили, отхлебнул апельсинового сока, и засмеялся. Будь Виктор Николаевич сейчас потрезвее, он бы понял, почему мальчик

с таким серьезным видом переводит взгляд с него на Николая и обратно. Великан и карлик – эти слова как никогда точно характеризовали разницу между соседями. А Кошкин продолжил:

– Кстати, мегрелы их называют еще «садзвале» – вместилище костей.

– Фу, какая гадость, – передернула плечами Людмила.

А Николай, напротив, расхохотался. В его желудке сейчас плескался тот самый литр «Хеннесси», за исключением микроскопических, по сравнению с его, дозами Кошкина и Люды. Этот коньяк, скорее всего, и подначил соседа:

– А что, Николаич, слабо поискать там косточки доисторических людей?

– Вообще-то, – подумал Кошкин на удивление ясной головой, – доисторическими можно назвать разве что индийские мегалиты, которым больше возьми тысяч лет. Ну, еще британский Стоунхендж. Нашим же даже полутора тысяч нет.

Это он сообщил прямо в темнеющее отверстие дольмена, из которого словно дохнуло обидой. Как он так шустро оказался метрах в пятнадцати от пиршественного «стола», Виктор Николаевич и сам не понял; его руки упирались в шершавый камень, а голова практически уже была внутри, в таинственном сумраке. А сзади еще азартнее громко шептал Николай:

– Ну, давай Николаич! Шевели лапами. Я помогу!

И действительно помог, когда расхрабренный Виктор Николаевич протиснулся плечами в узкое отверстие, перебирая руками по мелким камешкам, устилавшим пол древнего сооружения, и застрял в нем (в отверстии) тазом. Этой частью тела Кошкин оказался гораздо шире, чем в плечевом поясе; а ведь прежде он этого как-то не замечал. Может потому, что мимо большого зеркала в коридоре собственной квартиры всегда старался прошмыгнуть, отворачивая голову к противоположной стенке? Так что сейчас почтенный историк застрял в лазе, как Винни-Пух в домике кролика. Но худеть, как предлагалось плюшевому любимцу миллионов мальчишек и девчонок, Кошкину не пришлось.

– Я щас! – услышал он из другого мира, за пределами мегалита.

*...ворота те были сплоченные крепко
Створы двойные высокие; два изнутри их запоры
Встречные туго держали, одним замыкаясь болтом
Стал он у самых ворот и, чтоб не был удар маломочен.
Ноги расширил и, сильно напрягшись, грянул в средину...*

Николай могучим усилием все-таки втолкнул соседа в мегалит, заставив соседа взвыть от боли в «болте», который едва не расплющился о шершавый камень. Сам Николай сделал бы это аккуратно, памятуя о том, что один из коренных народов Кавказа относит эти домики к племени карликов. Но «Хеннесси» в его организме об этом не сообщили; коварный напиток направил тушку историка вперед с такой начальной скоростью, что Виктор Николаевич не успел поднять руки, и защитить макушку от камня, от противоположной стенки. Свет, которого внутри дольмена не было, по утверждению самого Кошкина, почти полторы тысячи лет, вспыхнул ярче солнца, а потом померк; как успел подумать Николаич, навсегда...

– Нет! – было первой мыслью Кошкина, – этого не было! Это все сон; сон с воскресенья на понедельник. Пора вставать, как всегда, с такой детской мыслью – чтобы в школу не опоздать! Но сначала...

Сначала надо было аккуратно и быстро сгрузить с собственного тела тяжеленное бедро Валентины. Аккуратно – чтобы не разбудить супругу, которая давно нигде не работала и проспать могла до обеда; а быстро – потому что простатит уже требовал свое – и таблеточку «Простамол», и пробежку трусцой до туалета.

Женская нога сегодня, после вчерашнего коньяка, показалась непривычно тяжелой, мускулистой и... волосатой. Кошкин, открывая глаза, уставился, прежде всего, на нее – на мощную, очень загорелую, и действительно волосатую ногу, которая никак не могла принадлежать Вале. Потому что принадлежала какому-то мужику, громиле – как раз мощно всхрапнувшему, но так и не открывшему глаз. А взгляд Виктора Николаевича перетек на собственное тело, и грудь – обзаведшаяся за ночь двумя роскошными сиськами – исторгла из себя пронзительный вопль. Женский, естественно – а кто мог сейчас так кричать; ведь дрожащие руки Николаича (тоже женские!) нырнули прежде всего к самому сокровенному и... не обнаружили там ничего – даже простатита!

Вместо тщедушного мужичка рядом с тушей какого-то мужика устрашающего вида, обнаженного до клочков волос в разных частях тела, сейчас лежала женщина, внешность и формы которой только предстояло оценить. Но Кошкина это увлекательное для любого нормального мужика занятие не вдохновило. Потому что он с ужасом понял, что сладкая, тянущая боль в низу живота вызвана не мужской болезнью, проявившейся у него так рано, а чем-то иным. Связанным с этим самым незнакомцем, лицо которого заполнила почему-то нешуточная тревога, а потом и неприкрытый ужас.

– Может, – подумал в панике Кошкин, не обращая никакого внимания на хихикнувший женский голосок глубоко внутри себя (точнее женского тела, в котором он оказался), – этот парень забрался в мою (!) спальню тайком, воспользовался бессознательным состоянием (тут он вовремя вспомнил о «Хеннесси») и трах...

Мысль, готовую отправить Кошкина обратно, в черное небытие, прервало наглое вторжение в спальню целой толпы вооруженных людей. Часть из них быстро уволокла куда-то насильника, на удивление тонким голосом верещавшего о том, что она сама... что царственная Кассандра сама затащила его в покои, и буквально заставила воспользоваться своим роскошным телом. Кошкин все-таки вернулся к исследованию этого самого тела; пока только визуально. Сделать это было нетрудно – ведь он стоял на широком ложе совершенно обнаженным; в женском облике. Перед застывшими в немом ступоре мужиками; воинами в стальных латах, вооруженных какими-то невообразимыми железяками.

– Что значит невообразимыми?! – одернул себя Виктор Николаевич, теперь ученый историк, – очень даже вообразимыми. Нормальное оружие, относящееся, э... к периоду троянской войны. Опять же Кассандра...

Внутри роскошного тела, в котором на время отстранившийся от фантастической действительности Кошкин действительно не смог обнаружить ни одного изъяна, кто-то перехватил управление, и жутким, замогильным голосом начал, точнее начала, вещать:

– Предрекаю – каждый, кто имел неосторожность увидеть своими бесстыдными глазами тело дочери Приама, царя Илиона, не проживет больше трех дней...

Стража, гремя оружием, бросилась вон из палат – или как там они назывались в Трое? Николаич память напрягать не стал; он сделал сейчас удивительное открытие – паника, страх и растерянность стражников, написанные на их лицах словами обнаженной царской дочери, были... словно наигранными, напускными. Тут же вспомнилась еще одна легенда, которую не забывали упомянуть все без исключения источники: пророческий дар Кассандры, которым якобы наделил ее солнцеликий Аполлон, никто не воспринимал всерьез; напротив – считалось, что все ее предсказания исполняются... с точностью наоборот! После того, как она отвергла притязания бога. И он не сдержался, осторожно спросил, кого-то внутри себя:

– Насчет Аполлона... это правда?

Его руки тем временем начали неспешное путешествие по женскому телу. И хотя эти руки ему не принадлежали, сам Николаич – все тем же, никак не объяснимым чувством – получал истинное наслаждение от нежной кожи, от тяжелых грудей, которые сжал слишком сильно. Так, что сам же (чужими устами) исторг протяжный стон. Вместе с приятной волну-

ющей болью в низу живота, которая, кажется, только усилилась, что ввергло Кошкина в шок. Такой, что он не сразу сообразил – голос внутри, не соизволивший ответить, сам спросил, достаточно сварливо, напомнив ему незабвенную Валентину:

– А кто ты такой, и почему распоряжаешься моим телом?

По правде говоря, слова были несколько иными, да и произнесены были на древнегреческом языке, который Виктор Николаевич никогда не знал, но сейчас понимал – каждое слово. Он этому обстоятельству почему-то не удивился; даже не восхитился. Прежде всего, Николаич, как воспитанный человек, джентльмен (слово-то какое когда-нибудь выдумают!) принялся обстоятельно отвечать на вопрос женщины:

– Кошкин я, Виктор Николаевич, учитель истории. Родился в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году. Так что недавно – три недели назад – как раз отметил сорок лет. Ну, как отметил (помялся он) ... сорок лет ведь не отмечают...

– Каком году?!!

Николаич зримо представил себе, как у женщины внутри него отвисла челюсть. Он даже потрогал собственную, позаимствованную у незнакомки. Нет – эта челюсть, тоже отличавшаяся нежной, персиковой кожей и приятной округлостью, никуда свисать не собиралась. А это означало – что контроль над этим телом, над руками, ногами и даже (он нервно хихикнул) ... тем, что совсем не было сейчас скрыто между ними... Так вот контроль над всем этим богатством был за ним, за Кошкиным. И он – теперь уже строго – повторил свой вопрос:

– Ну, что там насчет Аполлона, ну и... невинности, которую ты ему не захотела вручить?

Кассандра (если это действительно была она) нервно хихикнула:

– Вы что там, в своем непонятно каком году... действительно верите в богов? У нас в Зевса, Аполлона, Афину и их родственничков верит лишь чернь. И то, я думаю, потому, что так им легче жить – есть на кого свалить собственную неустроенность.

Кошкин опять вспомнил Гомера – то, как устами земных героев он поносит олимпийских богов:

*Грозно меж тем на богиню вскричал Диомед воеватель:
Скройся, Зевесова дочь! Удалися от брани и боя.
Или еще не довольно, что слабых ты жен обольщаешь?
Если же смеешь и в брань ты мешаться, вперед, я надеюсь,
Ты ужаснешься, когда и название брани услышишь...*

Виктор Николаевич покрутил точеной головкой, разметав по плечам роскошные светлые волосы, и решил, что такие сложные даже для абсолютного большинства его современников слова, сейчас произнесенные троянкой, его подсознание как-то трансформирует, подстраивает под себя; так же, как и Кассандра сейчас понимает его слова сквозь призму пролетевших тысячелетий.

– А какой, кстати, сейчас у вас год? – поставил он в тупик незримую собеседницу.

Та послушно что-то ответила, но на этот раз трансформатор речи не справился, прострекотал что-то неудобоваримое.

– Значит, – сообразил Кошкин, – наше летоисчисление никак не пересекается с вашим; у них нет общего знаменателя.

Он попытался быстро подсчитать – прибавить к тем годам, что прошли от рождения Христова... сколько? Какой момент троянской истории можно было взять за исходную точку? Он задал Кассандре теперь этот вопрос, одновременно давая ей достаточно степеней свободы для того, чтобы тело дочери царя Приама, наконец, скрылось под одеж-

дами. Как оказалось, хозяйке тела никаких степеней не требовалось. Она звонко хлопнула ладоши, и в комнату вбежали весьма легко одетые девушки, которые бросились к ней (а значит, и к Кошкину) с какими-то тряпочками в руках. Будь Николаич в своем теле, он бы в панике скрылся за одной из дверей, что были плотно прикрыты за спиной. Но здесь и пока – по его собственному разрешению – командовала чужая воля. Она разрешила совершить с телом поочередно утреннее омовение, умащивание пахучими маслами, которое умелые руки совершили так быстро и воздушно, что и Кошкин, и Кассандра не успели даже возбудиться от этих прикосновений.

*Там амброзической влагой она до малейшего праха
С тела прелестного смыв, умастилася маслом чистейшим
Сладким, небесным, изящнейшим всех у нее благовоний...*

Утренний туалет тоже, наконец, свершился – прямо в спальне, в какую-то переносную, хитро изогнутую штуковину, заменившую ночной горшок.

– Вообще-то там, – женская ручка, уже скрытая наполовину чем-то невесомым, показала на одну из закрытых дверей, – есть настоящий туалет (переводчик с трудом, но справился с этим словом), но я, как истинная дочь царского рода, тоже обязана терпеть лишения во время войны – вместе с народом Трои.

Впрочем, она тут же хихикнула, и сообщила скучную правду:

– Воды стало меньше из-за осады, а без нее в туалете только вонь и смрад.

Кошкин согласился, что такую увлекательную экскурсию можно пропустить, и вместе с Кассандрой вышел в другую дверь, которая – как оказалось – вела в столовую.

– Нет, – огляделся женскими глазами Виктор Николаевич, – это не столовка; это пиршественный зал, в котором могут возлежать не меньше полусотни гостей... вместе с хозяйкой, конечно.

Хозяйка привычно заняла место во главе «стола» – на невысоком возвышении, украсив собой мягкое ложе, на котором вполне можно было почивать (зачем тогда спальня – ради статуса?). К ложу тут же потянулась бесчисленная колонна других прекрасных красавиц («Других-других!», – подтвердил Кошкин, который обнаружил в себе способность приглядываться к женским лицам); в руках они внешне легко несли огромные подносы с чем-то необычным – и на вид, и, главное, на вкус. Виктор Николаевич даже испугался – прежде всего, гостей, которые, несомненно, должны были явиться на утренний пир. Однако, как тут же пояснила Кассандра, никаких гостей не ожидалось.

*...омывшись они, умащенные светлым елеем,
Сели с друзьями за пир; и из чаши великой Афине
Полными кубками, сладостней меда вино возливали...*

– А это все, – Кошкин обвел ее рукой горы съестного, – мы съедим с тобой вдвоем?!

– Не съедим, – согласилась с ним царевна, – но отпробуем знатно. Угощайся. Что останется – пожертвуем богам; той же Афине... Ну, или служанки доедят, если боги побрезгуют.

– Угу, – замычал Николаич уже полным ртом (тоже чужим, кстати), – а ты давай, вещай!

– О чем? – открыла рот Кассандра.

Кошкин ловко заткнул его бедрышком каплуна, которое растаяло внутри само – не пришлось даже жевать.

– О войне и говори, – взмахнул он остатком бедра, словно дирижерской палочкой.

И Кассандра «запела». Видно было, что поговорить она любит, и что она тоже замечала и тщательно скрываемые смешки, и откровенное недоверие в глазах слушателей. Но сейчас

такой слушатель был очень внимательным, а главное – не мог скрыть от рассказчицы своих эмоций. Кошкин и не скрывал – сначала своего восторга от совсем незнакомых, но таких замечательных кушаний, а потом и от рассказа, который медленно, но неотвратно раскрывал перед ним картину вяло текущей войны, начавшейся («Кто бы мог подумать?», – иронично хмыкнул историк, чуть не подавившись огромным куском запеченной вепрятины) из-за женщины.

– Елены Прекрасной? – уточнил он, запив кусок божественно вкусным вином из бокала, поданного терпеливо ждущей за плечом красавицей.

– Ну, не такая уж она и прекрасная, – с хорошо заметным пренебрежительным оттенком заметила Кассандра.

Она попыталась сделать движение, которым огладила бы роскошные бедра, и не менее волнующие мужские взгляды груди. Но руки были заняты – недоеденным куском мяса и недопитым бокалом с чудесной мальвазией – и ей пришлось довольствоваться понимающим похмыкиванием Виктора Николаевича. На вопрос, который она прочла в этом явно одобрительном звуке: «По сравнению с тобой, конечно?», – она ответила царственным кивком: «Естественно!».

Царевна еще и подкрепила свое утверждение; еще одним сравнением:

– По крайней мере, из нас двоих мужи первой выбирают меня.

Кошкин едва не подавился – остатками вепрятины:

– Что значит мужи? Что значит, выбирают?!! А как же твоя девственность, воспетая в веках; как муж Елены, Парис?

– Парис, – теперь уже хмыкнула Кассандра, и добавила жестко и буднично, словно не говорила сейчас о единоутробном брате, – сдох Парис. Убит Филонетом.

– Ага, – вспомнил «Илиаду» Гомера историк, – стрелами Геракла?

– Геракла? – рассмеялась троянка, – стрелы этого олимпийщика давно истлели. Парису хватило обычной.

– И как же теперь Елена?

– А что Елена? – Кассандра на мгновение перехватила командование телом у зазевавшегося Николаича, и пожала плечами, – ее тут же пригрел другой мой братец, Деифоб. Ради статуса, если кто не понял. Но ночью ее греют совсем другие тела.

Кошкин вспомнил «тело», которое утащили стражники; спросить о его участи не успел.

– Ничего с ним не случится, – рассмеялась троянка, – отоспится, и отправится на крепостную стену – воины на войне важнее всего.

– Ага, – согласился с ней Виктор Николаевич, примеряясь к новому, пока непонятному для него кушанью, – давай лучше про войну. Что сейчас на фронтах?

– Затишье, – Кассандра с изумлением наблюдала, как пришелец из будущего пытается насытить свой неумный аппетит, и еще более безмерное любопытство, – главные забияки вроде Ахилла с Патроком, да брата моего Гектора уже пируют вместе в царстве Аида, а остальные...

– Остальные ждут, когда построят коня? – Кошкин распознал в кушанье паштет из языков (может, даже соловьиных?) и одобрительно кивнул головой.

– Какого коня? – не поняла Кассандра, – всех лошадей уже съели. Ну, как всех...

– Царские выезды остались, – догадался Николаич, – так что можно в любой момент запрячь их в эти... квадриги, и со свистом ямщиков, с улюлюканьем...

– Можно, – кивнула провидица, уже не удивляясь прожорливости гостя и собственного тела, – но не нужно. Потому что гонять по улицам не интересно, а за пределы крепостных стен... сам понимаешь.

– Понимаю, – кивнул Кошкин, отчаянно пытаюсь скрыть от новой знакомой, чем закончилась «Илиада», на удивление точно описавшая реальные события – словно Гомер тоже ухитрился как-то внедриться в сознание одного из участников великого действия, – а потом (воспрянул духом Николаич) вернулся в свое время, где и надиктовал писцам поэму. А может, и сам написал – слухи о его слепоте тоже могли быть сильно преувеличены.

– А как насчет прогуляться? – Кошкин, наконец, отвалился от стола, – ножками – чтобы можно было на людей поглядеть, да себя показать.

– Себя показать, это мы всегда готовы, – оживилась царица, – только с одним условием...

– Каким? – Кошкин был рад, что вольный пересказ «Илиады» закончился в нужном для него месте.

– Теперь твоя очередь рассказывать – о своем мире. О чудесах будущего, о том, как ты попал сюда (руки опять огладили бедра), и о...

– Ага, – проворчал немного растерявшийся историк, – сейчас ты потребуешь, чтобы я о современной моде рассказал, о том, какие шмотки носят в столице?

– Шмотки! – это слово прозвучало внутри женского тела так восторженно и мечтательно, что Николаич вдруг почувствовал, как стало тепло и влажно там, где никогда не было, и не могло быть простатита, – про шмотки в первую очередь!

*Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Стан опоясала поясом, тьмою бахром окруженным.
В уши – прекрасные серьги с тройными подвесками вдела
Легким покровом главу осенила...*

Увы, тут ее ждал капитальный облом; Виктор Николаевич поспешно загнал в свою половину души, в самый тайный ее уголок, видение громадных клипс и бус Валентины Степановны, изготовленных китайскими умельцами из пластмассового янтаря. Единственно, чем мог порадовать учитель истории средней школы Геленджика, так это картинками с рекламой эксклюзивных моделей одежды и обуви, которые очень часто мелькали на экране компьютера, мешая процессу погружения в историю. Слишком часто, по мнению самого Кошкина, и очень редко – по словам Кассандры, которая с каждым шагом убеждалась в том, что в ее тело проник отнюдь не мужчина женской мечты.

– Это ты еще с моей Валентиной не познакомилась, – мрачно подумал Кошкин.

Он тут же воспрянул духом, даже засмеялся – вспомнил слова супруги о том, что она готова терпеть скорее его знакомства с девицами, чем надоевшие исторические изыскания мужа. Вспомнил и про прическу, за которую она обещала оттащить гипотетическую соперницу. Рука, повинаясь его неосознанной мысли, поправила роскошные локоны Кассандры; так же невольно он изобразил на губах улыбку, вызвав восторженный стон у мужика в тоге, которого не успели оттеснить в сторону стражники.

Да, прогулка тет-а-тет с блистательной пророчицей не получилась; тело, вмещавшее сейчас сразу две личности, стража окружила еще до того, как Кассандра вышла из собственного дворца. Но даже так Кошкину было безумно интересно – потрогать собственными руками кусочек истории; найти в ней подтверждение известным фактам...

– А лучше – опровержение, – помечтал он, – чтобы я смог сделать свое открытие, когда вернусь домой.

Между тем, возвращаться пока было не с чем – не с перечислением же архитектурных памятников и жилищ древней Трои; не со списком греческих кораблей, которые Кошкин увидел, остановившись во главе десятка охранников на крепостной стене. Стан древнегреческого войска; точнее станы – их было много, и они не образовывали сплошного кольца

осады – тоже не вызвали у историка ничего, кроме легкого всплеска заинтересованности. Увы, с высокой крепостной стены он не мог распознать никого из известных исторических личностей – ни Агамемнона, ни Одиссея, ни...

– Да если б и узнал, что бы я сейчас сделал? Голую задницу показал? Так они только рады были бы, – он огладил нежные ягодицы сразу двумя руками, вызвав нестройное шевеление в рядах стражников, и круто повернулся.

– Все, – заявил он устами царевны, – посмотрелся. Веди меня в какое-нибудь присутственное место.

Эти слова предназначались для Кассандры, но принял их на собственный счет начальник охраны, который – как уже знал Кошкин – успел побывать в постели царевны, и не один раз.

– Слушаю, моя богиня, – гаркнул он, хлопнул ладонью по щиту, – а в какое? В то самое?

Трилиний – так звали командира – помедлил, а потом все-таки позволил себе подмигнуть; так, чтобы не видели стражники, замершие столбами за его стеной. Кассандра жарко зашептала: «Соглашайся, не пожалеешь!».

И Виктор Николаевич не устоял – в чужом теле он был готов на любые безумства. Ну, почти на любые. Процессию теперь возглавлял Трилиний. Кошкин, еще недавно предполагавший, что не сможет оторвать глаз от живой истории, которая вполне буднично проистекала вокруг, с изумлением понял, что ему совсем неинтересны проблемы медленно бредущего по улице босяка, и женщины, которая тащила огромный узел за плечами, и воинов, то и дело замирающих при виде кортежа царевны... Теперь его тоже чуть трясло от возбуждения, от предчувствия чего-то такого, что умело скрывала Кассандра.

Последнему обстоятельству Николаич был только рад – значит, и ему удалось скрыть некоторые мысли.

– В первую очередь не те, про Илиаду, – торопливо думал он, опять закрывшись в мыслях какой-то непроницаемой перегородкой, – в конце концов, Кассандра должна пережить гибель Трои. Ну, подумаешь – попользуется твоим... нашим общим телом один из Аяксов в храме Афины. Расслабишься, да еще и наслаждение получишь. А вот о том, кем, а точнее, каким я был в своем мире, какое место в нем занимал... Об этом я не расскажу никому – иначе сюда меня больше ни за что не пустят...

– Стоп! – остановил он себя в мыслях, – так это и мной попользуется эллин-победитель?! Не хочу!!!

«Сюда», как оказалось – это в огромный дворец разврата, который оглушил и Кошкина, и... нет! – Кассандра на этот неумолкаемый гул возбужденных голосов, каких-то пронзительных криков за полупрозрачными занавесками лишь возбужденно пискнула, и ринулась в... Кто бы ей дал?! Кошкин – чего греха таить – и сам был готов окунуться в пучину сладострастия, но не в женском же теле! Он представил, себе, как уже сейчас, не дожидаясь падения Илиона, вон тот громадный негр, только что звонко шлепнувший белокожую миниатюрную красотку по голой попке, наваливается на него, раздвигает мощной коленкой тщетно сводимые коленки и...

Внутри провокационно хихикнула Кассандра: «Что, понравился племянник Мемнона, эфиопского царя, убиенного Ахиллом?».

– Откуда тут эфиопы? – задал вопрос собственной памяти Виктор Николаевич; раньше ответила царевна:

– Спешили на помощь Трое... А может, наоборот – хотели присоединиться к победителям, пограбить развалины славного Илиона, добраться до его сокровищницы.

Тут женские руки произвольно поправили огромный и тяжелый (килограмма два – не меньше) медальон, знак принадлежности к царскому семейству, которому прежде всего и кланялись троянцы. Изображение лика какого-то из олимпийских богов на нем выгодно

подчеркивали многочисленные камни, цену которым в собственном мире Николаич даже страшился себе представить.

– В-общем, – закончила Кассандра, – что-то Мемнон не поделил с Ахиллом; может, на ногу наступил, или плюнул не в ту сторону. За что и поплатился. А племянничек – вон, развлекается.

Судя по тому, что имени «племянничка» Кассандра не удосужилась назвать, более близкого знакомства с ним она еще не завела, что Кошкина весьма порадовало. Хотя, что ему было до чужого тела?!

– Не чужого! – строго поправил себя Виктор Николаевич, – оно мне теперь не чужое. И пока я в нем, ни один мужик не посмеет сунуть в меня свой...

Этот смелый прогноз Кассандра перебила горестным вздохом:

– Вот так и рождаются дурацкие легенды! И зачем мы тогда пришли сюда? Пророчить?!!

– А что? – воодушевился вдруг Николаич, – сейчас мы им напорочим!

Он не слушал панических криков царевны внутри себя; целеустремленно шагал (для остальных – шагала) к возвышавшемуся посреди огромного зала помосту, на котором женоподобный музыкант что-то тренькал на инструменте, который историк обозвал цитрой. Очевидно, какое-то хищное предвосхищение так ясно проступило сейчас на лице Кассандры, что в зале вслед ее шествию устанавливалась мертвая тишина.

К тому моменту, когда он (она) вознесся на помост благодаря сильным рукам Трилиния, уже ничто не нарушало тревожного ожидания. И Николаич им выдал! Память не подвела, так же как непонятно откуда взявшееся умение на ходу переводить на древнегреческий стихотворные гомеровские строки. Музыкант, с первых слов провидицы начавший извлекать из струн что-то торжественно-печальное, совсем не мешал речитативу Кошкина. Историк начал декламацию бессмертной поэмы Гомера с самого начала. Кошкин говорил, и говорил, совершенно не жалея пересохших губ Кассандры. Он остановился лишь в тот момент, когда – согласно поэме – царь Приам повез домой тело погибшего сына, Гектора. О том, как Троя пала, когда ею самой, так и не признанной пророчицей, силой овладел обезумевший Аякс Оилид, посмеявшийся нарушить безмолвный запрет Афины-воительницы, Николаич рассказать не успел. И о том, как охваченные звериной злобой греки ворвались в храм громовержца, где у алтаря верховного бога Олимпа ждал своей участи сам царь Трои, Приам...

– Приам! – охнуло совсем не высокое собрание вокруг.

– Отец! – пискнула внутри себя Кассандра, не меньше остальных слушателей увлеченная повествованием и пропустившая появление царственного родителя в этом храме разнузданного веселья.

...а бесстыдники эти остались.

Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь в хороводах

Эти презренные хищники коз и агнцев народных!

Сколько стоял тут, у входа, никем не замеченный царь? Что успел услышать из поэтического пророчества, и почему он, властитель осажденного города, появился в обители разврата, которую прежде никогда не посещал? Ответов на эти вопросы так никто и никогда не узнал. По крайней мере сам Кошкин – точно. Сейчас же он с замиранием в сердце смотрел (вместе с Кассандрой и остальными, многих из которых мог назвать своими друзьями и подругами), как медленно и неотвратно Приам подходит к помосту. Царь не дошел до возвышения шагов пять; ближе – как догадался Николаич – он просто не смог бы заглянуть в глаза дочери. Его гулкий голос заполнил огромный зал до самых дальних уголков, скрытых прозрачными занавесями:

– Дочь моя! Сегодня ты была убедительна, как никогда. Если бы эти божественные строки я услышал в тот день, когда Парис с Еленой стояли на коленях передо мной и молили о защите... Нет, – потрянул он головой, – все равно ничего бы не изменилось! Честь и достоинство троянцев – не пустой звук. А слово их царя нерушимо. Будем надеяться, друзья мои, что пророчество моей дочери, как и всегда, не сбудется.

Зал выдохнул единой грудью, и улыбнулся – теперь уже десятками лиц. А царь Илиона добавил:

– Сказка про коня мне очень понравилась, дочь моя. Надеюсь, кто-нибудь донесет ее до стана греческих воинов, и им будет заняться чем-то еще, кроме безуспешных попыток штурмовать неприступные стены Трои.

Он повернулся, и зашагал наружу уже твердо и быстро. А Кошкину захотелось заорать ему в след:

– Остановись, старый дурак! Это истинная правда! Греки возьмут твой город – хитростью, или штурмом! И разрушат его. Так разрушат, что даже имя его забудется на века – пока Шлиман не откопает твое проклятое золото.

*...старцево сердце смутилось, он ужаснулся;
Дыбом власы у него поднялися на сгорбленном теле
Он цепenea стоял...*

Увы, Приам не остановился. А руки Кошкина опять сомкнулись на тяжелом нагрудном украшении; пока историк лихорадочно вспоминал – было ли такое в перечне знаменитой Шлимановской коллекции «золота Трои»? – Приам скрылся за тяжелыми дверьми. А на Кассандру обрушился гром аплодисментов. Кошкин непроизвольно приосанился; он сейчас подумал, что так, скорее всего, не хлопали даже настоящему автору «Илиады». Потом он, оставив Кассандре право наслаждаться заслуженными овациями, с подозрением обвел взглядом зал – не сидел ли где-то там незамеченный раньше писец, не корпел ли над первым в истории плагиатом?

– Блин! – развеселился вдруг Виктор Николаевич, одарив троянку еще одним новым словечком, – так ведь это я и есть плагиатор! С почином, товарищ учитель!

Он спрыгнул с пьедестала, который только что воздвиг себе, и Кассандре, и решительно направился вслед за «отцом», копируя даже его походку. На нытье царевны, которая жарко шептала на собственное ушко, что теперь отбоя от воздыхателей тут точно не будет, он... лишь грозно нахмурил брови.

– Ну, уж нет! – вспомнил он почему-то старый анекдот, – умерла, так умерла! В смысле – если легенда гласит, что ты даже Аполлону-красавчику не дала, то кто может тебя прельстить в этом зале? Не этот же!

Он легко, словно мастер единоборств, поднырнул под длинную и мускулистую руку эфиопского принца и вместе с Кассандрой вырвался на свежий воздух, в город, который – он чувствовал это нутром еще более глубинным, чем то, где сейчас хныкала царевна – был уже другим. В нем – и это пригибало к камням мостовой не только его плечи, но и фигуру Приама, как раз поворачивающего сейчас в окружении охраны за угол дворца – поселилась обреченность.

– Самое поганое, – Виктор Николаевич проводил «отца» виноватым взглядом, – что эту обреченность принес сюда я – вместе со знанием истории будущих веков...

Кошкину пришлось вынести еще одну занимательную процедуру. Уже дома, во дворце Кассандры, он прошел вдоль выстроившихся у стены стражников; резко затормозил – у того самого верзилы, которого утром утащили волоком, связанного; как сам он подумал тогда, на расстрел. А он вот – стоит у стеночки, и даже позволил себе чуть заметную ухмылку, в то

время, как остальные выпятили груди, квадратные подбородки и истово «ели» хозяйку глазами, не позволяя даже малейшего намека на интимность. А сам Николаич – вдруг спохватился он – вслед за оживившейся Кассандрой выбирал из этих бравых ребят самца посимпатичней.

– Тьфу, ты, – плюнул он в сердцах, попав в ногу верзилы, отчего улыбка того сразу пропала, а взгляд испуганно замер, – договорились же – никаких мужиков, пока я тут...

– Ладно, милый, – засмеялась провокационно царевна, – как скажешь. Хотя вот этот красавчик такой ласковый в постели; а этот кривоногий и волосатый на диво неутомимый – может пристроиться сзади и до утра пахать ниву, как трактор...

– Какой трактор?! – чуть не взвился на месте Николаич, – откуда ты только слово такое взяла?!

Он ввалился в спальню – как и намеревался, в одиночестве, а потом отдался рукам молоденьких прислужниц, от помощи которых отказываться не стал (или не стала?). Кассандра только посмеивалась, и непонятно как подмигивала Кошкину, теперь комментируя прелести и умения шалуний. От их услуг Виктор Николаевич тоже отказался; хотя позже – когда утомленная царевна заснула – пожалел об этом. А потом тоже уснул, прикорнув в душе рядом с Кассандрой...

*...пал между тем в Океан лучезарный пламенник солнца.
Черную ночь навлекая на многоплодную землю...*

Утро следующего дня началось необычно. Во-первых, царевна впервые за многие дни проснулась одна. Это она сама сообщила – чуть ли не похвалилась. Почти сразу же вбежали девушки-помощницы. «Сенные девки» – так их почему-то обозвал Кошкин.

Проснувшись только что Кассандра отчаянно зевнула, и с интересом спросила:

– Сенные... Х-м-м... На сене я еще не пробовала. Это с конем, что ли? Расскажешь?

Впрочем, она тут же – к большому облегчению Кошкина, который в своей жизни ни разу не видел сена, не говоря уже об обнаженной натуре на ней – набросилась с упреками на служанок, или рабынь. Николаич так и не удосужился уточнить статус этих прекрасных дев; благосклонно принимал их услуги и только. Теперь же он остановил их общую с Кассандрой руку, уже готовую обрушиться на голову одной из девочек.

– Постой! – одернул он царевну, – выслушай ее сначала. Или они вот так часто врываются в твою спальню без спроса?

– И действительно, – остановилась в недоумении царственная троянка; она повелительно вскричала общими устами, – отвечай, презренная – как смела ты прервать мой сон, такой сладкий и прекрасный, благодаря...

– Да, – перехватил нить перекрестного допроса Кошкин, который предпочел не оставлять даже эфемерного следа в троянской реальности – в виде собственного имени, – можешь ли ты назвать хоть одну причину, которая оставит тебя без наказания?

Несчастливая прислужница рухнула на колени, а потом и ниже – распростершись на полу перед гордо задравшим голову Кошкиным. Историк устыдился, но бросаться к ней, чтобы поднять ее на ноги, не стал.

– Хотя ножки, – оценил он стройные конечности, которые задравшаяся при броске одежда обнажила почти до..., – а трусов-то эти красотки не носят!

– Царь Трои! – возопила несчастная, не смея поднять на госпожу (и господина, не отрывавшего сейчас глаз от ее ног), – великий Приам требует к себе любимую дочь!

– Любимую, – чуть не подавилась Кассандра, – это с каких это пор я стала любимицей царя Илиона?

– Со вчерашнего дня, о, Кассандра, – уже почти спокойным голосом ответила рабыня, провокационно проведя ладонью по собственному бедру, – он так и сказал посланцу, который смиренно ждет тебя у ворот дворца.

– Ну что ж, – протянула царица, явно не торопясь, – несите амфоры для омовения.

Вчерашняя процедура повторилась практически один в один. Разве что – заметил Николаич – пророчица намеренно тянула время, подставляя под послушные и шаловливые ручки невольниц поочередно самые лакомые части собственного тела. Если она этим хотела довести своего «сожителя» до иступления, то надо признать – это ей удалось... почти. В самые критические моменты Виктор Николаевич вспоминал незабвенную Валентину Степановну, и успешно отбивал атаки сразу нескольких пар женских ладошек; заодно он потираливал Кассандру. Он удивлялся ее выдержке – знал прекрасно, что Кассандра сгорает от любопытства, пожалуй, и посильнее его, но держит марку; тянет время, совершенно не опасаясь гнева отца.

– Хотя, – сообразил он, наконец, – наверное, так у них принято. Чем выше чин, тем больше гонору и необходимости показать, что шишке на ровном месте глубоко плевать на всех и вся – даже если это сам...

– Ну, так много я себе позволить не могу, – прервала его умозаключения Кассандра, – отцу я ничего доказывать не могу и не хочу. А вот его свите, особенно любимым братишкам и сестренкам – еще как. Вкусно?

Это она спросила, уловив восхищение Николаича, который запихал в ее рот что-то необычное, но безумно восхитительное. Они уже сидели, точнее, возлежали в пиршественной зале и завтракали; тоже много медленней, чем вчера. Наконец, Кошкин насытился, а сама Кассандра сочла, что необходимую паузу она выдержала. Теперь снова пришло время облачения – к ужасу Николаича, при его активном участии. Он «экал» и «мекал», пытаясь подсказать местным дизайнерам что-то новаторское в одеянии, а потом и укладывании пышной прически на манер моды будущего. В результате получилось что-то ужасное – так оценил общие усилия сам Кошкин. А прислужницы почтительно отступили на несколько шагов и в восхищении простонали.

*Вдруг до земли и до неба божественный дух разливался.
Им умастивши прекрасное тело, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательных кудрей,
Пышных, небеснодушистых, с бессмертной главы
нипустила.
Тою душистой оделася ризой, какую Афина
Ей соткав, изукрасила множеством дивных узоров...*

– Интересно, – протянул Кошкин, – что бы написал Гомер, увидев нынешний наряд Кассандры? Ах, да! Все время забываю – он же был слеп, как...

– То-то же, – царственно бросила им (а на самом деле Николаичу) царица, – мы еще и не такое придумаем!

Оторопевший от такой перспективы Кошкин обнаружил себя уже на улице; впереди бежал, не менее ошалело оглядываясь назад, на Кассандру, царский посланник, а за строем торжественных лицами и осанкой стражников росла толпа бездельников. Их, к удивлению историка, было в Трое предостаточно – несмотря на объявление военного положения. Впрочем, большую часть шествия составляли женщины с потрясенными лицами. Царица буквально купалась в ауре всеобщей растерянности и зависти, которые очень скоро превратились в обожествление Кассандры.

– Кажется, – растерянно попытался вспомнить Виктор Николаевич, – фразу: «Не сотвори себе кумира», – еще не придумали? Или придумали – только что?!

Наконец, шествие достигло своей цели – когда толпа уже готова была подхватить тандем Кошкина с Кассандрой на руки. Душа царевны пела; рядом вторая, мужская, пыталась приземлить ее:

– Ага, подхватят на руки, и сбросят – вниз, с крепостной стены. Ты летать умеешь?!

*Скоро он притекли ко вратам возвышавшимся Скейским.
Там и владыка Приам, и Панфой, и Фимет благородный
Клитий, божественный Ламп, Гикетаон, Арева отрасль...*

Гомер в своем повествовании еще долго перечислял придворных троянского царя; Виктору Николаевичу, а с ним и Кассандре, был интересен лишь Приам.

Процессия действительно едва не перехлестнула через гребень крепостной стены; особо ретивых последователей нового кумира, обогнавших и царевну с историком, и посланца Приама, остановила лишь сплошная цепь стражников, сквозь которую удалось просочиться только нашим героям; в одном теле, естественно. Внутри оцепленного пространства было посвободнее. Приам стоял один – на самом краю обзорной площадки, ничуть не опасаясь, что снизу может прилететь прицельная стрела. Кассандра пошла к нему, явно наслаждаясь эффектом, который ее внешний вид произвел на кучку придворных – тех, кому было позволено находиться здесь. Из этой толпы, в которой большинство явно были отмечены тесными родственными связями, Николаич выделил женщину, закусившую нижнюю губу сильнее остальных.

– Елена?! – скорее утвердительно, чем вопрошающе воскликнул он, направляя это утверждение внутрь себя.

– Да! – в ответе царевны было столько возбужденного торжества, что историк невольно ахнул:

– Да ты... Да ты завидовала ей все это время! Завидовала тому, что сотни, даже тысячи мужчин бьются, проливая кровь из-за нее. Что самые великие герои Эллады собрались здесь; а величайшие – Ахилл, названный брат его Патрокл, Протесилой, царь эфиопский Мемнон и царица амазонок Пенфесилея уже отдали свои жизни, как и твои братья – Гектор и Парис... И все ради одного – чтобы ее красоту воспевали в веках?!

– Ну, не такая уж она и красивая, – усмехнулась в душе Кассандра, – что, сам не видишь? Разуй глаза!

Ошалевший от такой непосредственности женского характера Кошкин лишь покачал головой: «Какие еще словечки она выучит, пока я нахожусь здесь; и пока... не падет Троя? Хорошо еще, что я матом не ругаюсь. Сейчас загнула бы ты, „подруга дней моих суровых“, трехэтажным простонародным в присутствии монаршей особы!».

Но Кассандра была гораздо благоразумней, чем мог представить себе Николаич. К царю троянцев она подошла со скромной физиономией, и даже попыталась изобразить книксен, явно подсмотренный во внутренних размышлениях гостя из будущего. За спиной, из толпы придворной клики раздалось слитное женское: «Ах!», а сам Приам воззрился на нее, а значит, и на Николаича, в изумлении.

– Как бы папаша не свалился вниз, не заставил древних греков закончить раньше времени свое увлекательное занятие!

На это «увлечение» осаждавших город воинов и показал, наконец, пришедший в себя властитель.

– Видишь, дочь моя, – показал он рукой вниз, на шевеление в греческом лагере, – это первое твое пророчество, которое готово исполниться.

Греки внизу, словно трудолюбивые мураши, тащили к грандиозной стройке какие-то доски, брусья и бревнышки. В остоле деревянного сооружения уже можно было узнать очертания гигантского коня. Сердце Кассандры замерло, а потом ухнуло куда-то вниз, пораженное внезапной догадкой Виктора Николаевича.

– Это я! – взревел он, обращаясь пока только к одной слушательнице, – это я, а не хитромудрый Одиссей придумал ловушку для троянцев.

– Ну, какая же это ловушка? – засмеялся Приам, легко прочитав смятение в лице дочери, – не думаешь же ты, что мы притащим этого коня в Трою, не обнюхав каждую досочку.

– Эй, Агамемнон! – закричал он, сложив ладони рупором, – не ошибись в размерах. Я не дам ломать стену, чтобы доставить твой подарок к храму Зевса!

– Доставить?! – вскричал Николаич голосом Кассандры уже вслух, – зачем это, отец?! Разве ты не видишь, что это ловушка?!!

Приам ласково улыбнулся дочери, отошел от края стены, к которой снизу начали примериваться вражеские лучники, и принялся успокаивать ее, родив на глазах изумленного историка один из первых в мире афоризмов:

– Кто предупрежден, тот вооружен, возлюбленная дочь моя. Этот конь будет памятником нашей победе над всеми греческими царствами – до тех пор, пока на его месте не встанет каменный, способный пережить века.

– Проще сжечь его прямо там, внизу, – буркнул Николаич, рождая еще пару крылатых слов, – дешево и сердито!

Приам покатал новое словосочетание меж крепких зубов, еще раз ласково улыбнулся дочери, и твердо заявил, показывая, что спор окончен:

– Ты, дочь моя, в искусстве управления чернью понимаешь еще меньше, чем в пророчествах. Твои слова о коне греков уже повторяют во всех подворотнях. И целый, плененный символ греческой мощи – этот самый конь – будет тем фундаментом, на котором царский род Трои – и твой, между прочим – войдет в историю.

– Ага, – проворчал смилившийся Николаич, – в историю на деревянном коне. Еще шашку, как у Чапаева, себе выстругай.

Он отключился, отдал управление и телом, и разумом Кассандре, в какой-то полудреме прислушиваясь к ее словам. А Кассандра «сердечно» расцеловалась с Еленой, еще дюжиной братьев, сестер и пригласила всех к себе во дворец.

– Я вам еще раз расскажу свое последнее пророчество, – пообещала она, – полную версию. А может... озарение «выдаст на гора» продолжение. Расскажу, как греки будут возвращаться домой – после того, как разграбят Трою.

Троянцы такой перспективой – пророчеством, а не разграблением – очень вдохновились; обещали прийти все. Так что следующие два дня превратились в непрерывную пирушку. Николаич, чья воля была подавлена грядущей катастрофой и гигантским количеством алкоголя, потакал Кассандре во всем. Декламировал Гомера – повторил всю «Илиаду», и, на бис, «Одиссею»; потом вспоминал других поэтов, удивляясь собственной памяти. Даже Луку Мудищева, которого вычитал в интернете тайком от Валентины, как-то удачно смог перевести на древнегреческий. Последний, кстати, вызвал самые бурные аплодисменты.

Пришел он в себя только в тот момент, когда разошедшаяся, отпустившая всякие вожжи царевна, вознамерилась присесть на горшок по-большому прямо за столом, под заинтересованными взглядами гостей. Он шугнул прислужницу с чудом древнегреческой сантехники в руках в спальню, а затем – уже на выход – гостей.

– Все, – заявил он, сумрачно нахмурив женское лицо, – концерт окончен. Кина больше не будет. Встречаемся завтра утром – на крепостной стене.

Последней пиршество, превратившееся в загульную пьянку, покидала Елена Прекрасная. С чужим мужиком, кстати. Уже от дверей она повернулась, и помахала ручкой: «Чао, крошка!». А Кошкин – впервые за эти дни – вдруг с ужасом понял, что жаждет штурма, разрушения, гибели одной из величайших цивилизаций прошлого. Чтобы всю ту ахинею, что успел наплести пьяный от вина и вины Кошкин, не успели занести в хроники. Чтобы изумленный Шлиман не прочел в раскопанных свитках что-нибудь про синхрофазотрон, или о том, что «небось, картошку все мы уважаем, когда с солью ее намать!». Владимир Высоцкий, кстати, у троянок и троянцев тоже пошел на ура...

*Сном распущен; и народ по своим кораблям быстрокрылым
Весь рассеялся; каждый спешил укрепиться под сенью
Пищей вечерней и сладостным сном...*

Омовением и умощением тела этим утром командовал злой от похмелья и недосыпа Николаич. Потому, наверное, на крепостной стене он (вместе с Кассандрой) оказался первым. И первым же наслаждался деревянным памятником. А потом – когда уже позади точеной фигурки пророчицы, сегодня одетой очень скромно, собралась приличная толпа, и рядом остановился Приам – корабли греков вдруг дрогнули, и без всяких парусов тронулись от берега.

– «Все на суда собралися», – Виктор Николаевич в который раз процитировал Гомера (так, как он помнил эти строки); а потом спросил – у отца Кассандры, – остров Тенедос – где это?

– Недалеко, – ответил Приам, – но... даже если твое пророчество исполнится, и корабли скроются именно за ним, греки никак не успеют вернуться до тех пор, пока конь окажется перед храмом Зевса, а главные ворота Трои не закроются опять!

– Не надо, – хотел прошептать Николаич.

– Я хочу туда; я хочу потрогать его, – буквально заплясала на краю рукотворной пропасти Кассандра.

– Потрогаешь, – милостиво кивнул Приам, – после того, как воины проверят там все.

Воины – внушительный отряд – вышел из широко открытых ворот, когда корабли даже не исчезли еще из видимости. Они, кстати, так и не оделись белыми парусами, и это породило внутри Николаича смутную тревогу. Впрочем, Кассандра тут же завладела его вниманием, как только услышала стук первого топора о дерево. Стук был звонким, указывающим на то, что внутри громадина коня была полой. Совсем скоро в нутро деревянного животного скользнул троянский воин; за ним – для подстраховки – еще трое. Скоро они все четверо стояли снаружи, и махали руками. До царственных особ донеслось громкое: «Нет! Нет здесь никаких греков!».

– Конечно, нет, – с какой-то мрачной радостью проворчал Кошкин, показывая рукой Кассандры сначала вдаль, к морю, а потом к подножию башни, на которой собралась вся знать осажденного города, – они там... и тут!

*...и никто в Илионе
Их не узнал от мужей и от жен благородных троянских
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродите подобной
Рано на замок восшел, издали в колеснице узнала...*

Греческие корабли, очевидно, повинуясь какому-то сигналу, вдруг резко ускорились, но не в сторону невидного отсюда острова, а к берегу, вырастая теперь на глазах. И отсутствие парусов сыграло здесь не последнюю роль. В это же время по обе стороны ворот

вырастали другие греки. С огромных плетеных щитов стекали целые водопады песка, под которым хитрые эллины прятались и от отряда, который промаршировал мимо них, и от взглядов толпы троянцев на городских стенах.

Приам, или кто другой, не успел произнести даже первого слова команды, а греки уже строились в две плотные шеренги, перегородившие открытые настежь ворота так надежно, что о них бесславно разбились и волны троянцев снаружи крепостных стен, и стекавшиеся к ним с прилегающих улочек Трои воины, которыми никто не командовал.

***– Рати, одна на другую идущие, чуть сосступились
Разом сразились кожи, сразились копы и силы
Воинов, медью одетых, выпуклобляшные разом
Сшиблись щиты со щитами; гром раздался ужасный
Вместе смешались победные крики и смертные стоны...***

Когда управление взяли в свои опытные руки военачальники, недавно толпившиеся за спиной Приама, было уже поздно. С высоких бортов врезавшихся в прибрежный песок кораблей прыгали – и в соленую воду, и на тот же песок – озверевшие от еще не начавшейся резни греки. Отряд, что троянцы отрядили для проверки трофейного коня, разметали в несколько мгновений. Греческие воины, уже окончательно потерявшие все признаки своей знаменитой цивилизованности и заляпанные первой кровью, хлынули в город, не жалея никого – ни мужчин, ни детей, ни... Нет, женщин они не резали; тащили в подворотни, а кого раскладывали на камнях прямо на улице, рядом с еще парившими кровью трупами.

Их было так много, что узенькие ручейки насильников и мародеров совсем не уменьшили напора мощного потока штурма. Николай опять впал в спасительный ступор. Отсюда, с высокой стены, где тело Кассандры в гордом одиночестве пока еще не привлекло ничьих взглядов, он сейчас чувствовал себя зрителем в кинотеатре. В самом навороченном кинозале, где к эффекту «пять-дэ» умники от кинематографа умудрились добавить запахи текущей потоками крови и гари от начавшихся в городе пожаров.

– Ну что, – Николаич пригласил дрогнувшим голосом Кассандру, – пойдем соответствовать истории?

– Пойдем, – не стала сопротивляться пророчица, которая пребывала в еще большем оцепенении, – а куда?

– Вспоминай, – грустно усмехнулся Кошкин, – что об этом говорил Гомер. В храм Афины, конечно. Будем ждать Аякса Оилида...

Огромный бородатый грек с окровавленным мечом в руках не дал времени спросить – действительно ли это упомянутый Аякс добрался первым до тела пророчицы. Падая головой на мраморный пол, Кошкин невольно глянул на лицо греческой богини. Афина-воительница грустно улыбалась своей почитательнице. Но не более того. А секундной заминкой Кассандры тут же воспользовался грек. Меч зазвенел где-то рядом, на камнях, а насильник двумя руками рванул одеяние Кассандры в стороны, оставив ей единственным прикрытием знак царской власти на шее. А потом глухо застонал – от восхищения, и не сдерживаемого ничем вожделения. Николаич уже не сопротивлялся (как все эти дни до этого), отдал волю троянке, повторив ей еще одну мудрость из будущего: «Расслабься, и получай удовольствие!». Несколько мгновений, ушедших на то, чтобы эллин тоже полностью обнажился, и... острая боль в паху пронзила всю сущность Виктора Николаевича Кошкина, историка из Геленджика. Он машинально лягнул ногой, вызвав поток брани... почему-то на русском языке:

– Блин, Николаич, не лягайся. Я едва дотянулся до твоей ноги; сейчас вытащу тебя, не дергайся.

Кошкин совсем не радовался, пока его тащили сквозь узкий лаз дольмена – опять как Винни-Пуха. А оказавшись снаружи, даже не поблагодарил; помчался в кусты, чтобы успокоить свой простатит. И лишь когда тоненькая желтая струйка перестала сочиться из вновь обретенного сокровища, которое он для надежности держал сразу двумя руками, Николаич, наконец, поверил – он дома. В окрестностях Геленджика, если кто не понял.

Назад он возвращался с глупой блаженной улыбкой, в которой светилося все – и умиротворение от опорожненного, наконец, мочевого пузыря, и радость от возвращения домой, а больше всего – кто бы мог подумать – от скорой встречи с Валентиной.

На полянке, где еще не собрали корзинку после пикника, его встретил устремленный в грудь палец Николая.

– Что это?!

Душу и тело Кошкина что-то царапнуло – точно в том месте, куда почти упирался своим ухоженным ногтем похожий на длинную сардельку палец. Он схватился за изодранную о шершавый камень дольмена футболку и похолодел. Тяжесть, к которой он привыкал долгие дни там, в осажденной Трое, опять тянула шею книзу. Николаич сам не заметил, как усыпанный драгоценными камнями нагрудный знак оказался сначала в его руках, а потом переключался в широкую ладонь соседа.

– Вот это ты слазил! – свистнул в изумлении Николай.

– Да, слазил, – кивнул Кошкин, опять натягивая на лицо глупую улыбку.

Он искал взглядом свой тощий рюкзачок. А в голове вертелась единственная мысль:

– Ну, вот, Валюша! Кажется, я приду домой не с пустым рюкзаком...

Примечание: в тексте главы шрифтом выделены отрывки из поэмы Гомера «Илиада».

2. Ты откуда, Одиссей?..

*Муза! Об этом и нам расскажи, начав с чего хочешь.
Все остальные в то время, избегнув гибели близкой,
Были уж дома, равно и войны избежавши и моря...*

Ошалевший Кошкин цитировал на этот раз «Одиссею» – словно закрыл последнюю страницу «Илиады»; вместе с гибелью Трои. Впрочем, судьба древнего города учителя истории сейчас совершенно не интересовала. А вот его материальный фрагмент – массивный кусок золота с драгоценными камнями...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.